Глава 402: Ночь в его пальцах

Лян Сяосяо умер. Обвинение, которое он сделал перед своей смертью, естественно, было невероятно могущественным, но единственный другой свидетель этого события в Саду Чжоу - Чжуан Хуаньюй - кроме невероятно короткого объяснения ситуации в течение подавляющего большинства времени сохранял молчание, так что в истории, данной погибшим, было много отсутствующих деталей. В паре с тем фактом, что цель свидетельства Ляна Сяосяо не была обычным человеком, дело относительно Сада Чжоу пало в трясину. Спустя несколько недель все еще не было прогресса.

Статус Чэнь Чаншэна был исключительно уникальным, так что великие силы во Дворце Ли определенно будут присматривать за этим делом. В Великом Испытании люди уже заметили, что отношения между Чжэсю и Ортодоксальной Академией были довольно хорошими. Более того, на заснеженных равнинах севера этот волчонок достиг огромных военных заслуг, получая глубокое почтение нескольких Божественных Генералов Армии Великой Чжоу. Что же касается того, как это дело будет развиваться, многие люди чувствовали, что это будет в окончательном результате зависеть от решения Божественной Императрицы. По этой причине Двор Чжоу стал центром бесчисленных внимательных взглядов, потому что это была резиденция Чжоу Туна. Воля Божественной Императрицы всегда выражала себя через эту наиболее безумную, наиболее безжалостную дикую собаку. Также это было связано с тем, что после того, как Имперский Суд забрал Чжэсю из Дворца Ли, он был помещен сюда.

Немногие люди знали, что легендарная Тюрьма Чжоу, та тюрьма, которая заставляла бесчисленных выдающихся министров и военных офицеров, услышав это имя, терять себя в страхе, была тем самым зданием, что и официальная резиденция Чжоу Туна. Они были отделены друг от друга тридцатью метрами и двумя жалкими дверями, которые, как казалось, могли быть снесены сильным ветром. ‘Прекрасное время и красивый пейзаж, беспомощные дни’. Эта поговорка говорила о резиденции Чжоу Туна и тюрьме Чжоу Туна. У первого места была непрерывная красота четырех времен года, а у второго - беспомощные дни без пути наружу и невозможность видеть синее небо.

Черный носорог тащил тяжелую металлическую повозку, проходя через каменную арку Двора Чжоу и подходя к жуткому зданию перед ней.

Хотя расстояние было настолько коротким, Чжоу Тун все еще по привычке использовал свою повозку.

Кроме того времени, когда он был перед Божественной Императрицей, лишь когда он был в своей металлической повозке, он чувствовал себя в безопасности.

Повозка с черным носорогом подъехала к туннелю, который предоставлял вход в тюрьму. Дверь повозки медленно открылась со скрипом.

Чжоу Тун медленно вышел из металлической повозки, подсознательно глядя вверх в ночное небо. Его лицо казалось несколько бледным под светом звезд.

В то мгновение, как он вышел из повозки, стража вокруг Тюрьмы Чжоу вдруг увеличилась на несколько ступеней. Что касается теней под соседними карнизами, неизвестно, сколько культиваторов-экспертов скрывалось внутри.

Чжоу Тун не был слабаком. Он был экспертом Конденсации Звезд, одним из немногих экспертов Имперского Двора Чжоу. И даже при этом он жил очень осторожно. Если расследование не требовало этого, он очень редко покидал Тюрьму Чжоу. Даже если он

уходил, в подавляющем большинстве случаев это было лишь для того, чтобы отправиться в Имперский Дворец. Более того, каждый раз, когда он уходил, он брал с собой бесчисленных имперских телохранителей. Он отчетливо понимал, что бесчисленные люди хотели убить его. Если составить рейтинг того, сколько людей хотели его смерти, Су Ли определенно будет позади него.

Достигнув той холодной и мрачной тюремной камеры, он посмотрел на изувеченное тело юноши-волка - на нем не осталось и единой целой части тела. Внешний вид Чжоу Туна не изменился, и он не показывал никакой извращенной радости, о которой говорили слухи. Было лишь спокойствие.

С тех пор, как он принял командование Божественной Императрицы и возглавил Департамент для Очищения Чиновников, Чжоу Тун пытал бесчисленных заключенных и лично проводил бесчисленные пытки. Он даже не знал, скольких людей с худшим состоянием, чем Чжэсю, он видел, так что он не мог быть задет этой сценой. Но он не верил, что стал нем к этому, и он также не позволял себе неметь к подобным кровавым сценам. Он настаивал на вере, что защищая свое изначальное состояние ума, пока он работал, продолжит поддерживать то чувство интереса и свежести, и лишь с помощью этого он сможет поддерживать свое острое чувство ко многим вещам.

Да, Чжоу Тун всегда верил, что это была просто работа. Изначально он изучал священные книги, но эссе, которые он писал, были плохими, поэтому он перешел к культивации. Его талант в культивации не был плохим, но потому, что он был слишком старым, у него не было возможности вступить во внутренние секты тех монастырей и сект для обучения. По этой причине он начал работать над социальными связями. Наконец-то, в Саду Сотни Растений он стал знаком с Божественной Императрицей и получил эту работу. Когда делаешь что-то, надо любить это и искренне прилагать все усилия, будь это изучение священных книг, культивация даосских ритуалов, или прямо сейчас, пытки людей мира - Чжоу Тун всегда требовал от себя этого. Факты были доказательством того, что он действительно достиг этого.

«В Шесть пятнадцать ты потерял сознание от боли. По моим расчетам ты должен был очнуться от боли к этому моменту, так что я вынужден спросить тебя вновь: если те две женщины были двумя крыльями Принцессы Демонов Нанькэ, почему они не работали вместе с парой Генералов Демонов и не убили вас напрямую? Наоборот, почему они работали раздельно, и в конце концов дали вам шанс разделять и властвовать?»

Чжоу Тун не стоял перед Чжэсю и не смотрел ему в глаза, чтобы давить на него, и не смотрел на документы на столе.

Он стоял у единственного вентиляционного выхода тюремной камеры, молча глядя на звезды в ночном небе и выглядя несколько отстраненным.

Документы на столе состояли из утверждений, которые Чжэсю сделал перед Мэй Лиша по дороге, но после того, как Чжэсю оказался в Тюрьме Чжоу, он более не говорил ни слова. Чжоу Тун очень хорошо знал, что психологическое давление ничего не значило для этого волка-юноши. Он один раз просмотрел документы и уже запомнил их полное содержание, включая эти неприметные детали. Ему казалось, что это было похоже на предсмертные слова Ляна Сяосяо. В утверждении Чжэсю тоже было много подозрительных деталей, но он все же спрашивал об этом довольно отстраненно. Он знал, что не было необходимости быть настолько усердным, потому что Чжэсю все равно ничего не признает.

Он задал этот вопрос лишь потому, что это было частью его работы, процедурой или

последовательностью. В его правилах это было задачей, которую надо было совершать - все было частью работы. Лишь завершив эту часть, он наконец-то сможет перейти к следующей.

Услышав голос Чжоу Туна, Чжэсю наконец-то ответил. Однако, он все еще ничего не говорил, а скорее просто закрыл глаза.

После того, как он вернулся в столицу из города Ханьцю, Дворец Ли прислал кардинала, чтобы тот лично обработал его раны. В данный миг яд в его теле был в большей степени подавлен у низа его глаз. Хоть он все еще не мог видеть, его состояние не будет ухудшаться, а его жизнь не будет в опасности. Его не заботили эти проблемы, он скорее хотел знать, что случилось в Саду Чжоу. Почему рухнуло небо Сада Чжоу? Были ли Нанькэ и те эксперты демонов мертвы? Мог ли Чэнь Чаншэн тоже быть мертвым? И также... улучшилось ли состояние Ци Цзянь? Была ли она все еще без сознания в своей коме, или уже проснулась?

Он сконцентрировал свои мысли на этих вещах, надеясь облегчить боль. Однако, его лицо становилось бледнее, а капли пота размером с горошину непрерывно стекали с его лба.

Очень тонкая игла была вставлена в место между его бровями. Конец иглы был в пальцах Чжоу Туна, пока он мягко крутил ее.

Чжоу Тун был очень спокойным. Он совсем не был похож на мучителя, а скорее был похож на доктора, который лечил пациента.

Дыхание Чжэсю стало более учащенным, а две его брови были все более нахмуренными. Его тело начало интенсивно дрожать.

Те тонкие цепи, которые проходили через его тело, начали тереться о его плоть. Сгнившая плоть и нежная, недавно выросшая плоть соскабливались.

Чжоу Тун легко касался конца иголки. Чжэсю уже так сильно сжал зубы, что его рот был полон крови, но он больше не мог выдерживать этого. Он болезненно закричал, его грубый голос реверберировал по изолированной и мрачной Тюрьме Чжоу.

Он хотел потерять сознание, но боль делала это невозможным.

Жизнь и смерть, боль и ее облегчение - все это было в пальцах Чжоу Туна.

Мо Юй покинула Сад Чжоу и направилась обратно к Имперскому Дворцу. Когда колеса повозки катились по серым камням, путь был немного ухабистым.

Она почувствовала, что если бы эту повозку тащила Черная Коза, все было бы в порядке. Но Черная Коза не любила Чжоу Туна и никогда не пошла бы с ней в то место.

Повозка внезапно остановилась.

Она спокойно посмотрела на занавес, висящий впереди повозки, и спросила: «Ваше Высочество, что вы планируете делать?»

Голос Лоло был ясным и ярким, как новые листья начала осени. «Я хочу рассказать вам всем о том факте, что если Учитель не вернулся, это не значит, что в Ортодоксальной Академии больше нет людей».

http://tl.rulate.ru/book/1222/105224